

Шемякина О.Д.

К.и.н., н.с. кафедры истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

О ПРИНЦИПАХ ОПИСАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В
УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОПОРЯДКА

Стремительно меняющийся на наших глазах миропорядок актуализирует проблему принципов описания общественных систем, обладающих разной исторической динамикой. Сталкиваются не просто разные цивилизации, сталкиваются структуры большой длительности, в которых соотношение веры и разума, взаимодействия локальных миров и «большого» общества, стратегии интеграции, конфликтов и форм солидарности, степень принятия многообразия мира имели вековые традиции, сформировавшие выбор разительно отличающихся ответов на вызовы глобальных и локальных рисков древности и современности.

Классическое знание, строившее свое описание на форме, числе, диспозиции и величине было выращено в эпоху визуальной революции, которая утверждала значимость внешнего описания объекта на основе визуального опыта фиксированного в пространстве наблюдателя. Для этой формы знания было важно и доверие к количественным характеристикам измерения объекта (к числу и величине), появившееся вследствие утверждения формальной рациональности.

Все, что не охватывалось человеческим глазом, в это описание не попадало. При этом терялась не просто глубина проникновения в объект, но и не ставилась задача анализа противоречий между внешними признаками и внутренним содержанием, например, языков, при изучении этничности и самосознанием народа, в которое еще нужно было проникнуть¹. Кроме того, нужно отметить, что классическое знание было ориентировано на описание объекта в ситуации статики, предпочитая работу с объектом с четкими границами, и оказывалось не особенно успешным при описании нарушенности границ, анализа переходных форм и т.д.

В современной ситуации поворота на Восток перечисленные характеристики классического знания также могут оказаться

---

¹ Абашин С.А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетея, 2007. С. 93

недостаточными. Историческая динамика восточных систем отличалась от европейской, сохраняя значимость инерции традиции. Идеи сотворенности мира, религиозного опыта, который был призмой преломления оценки социальности, роль невербального опыта в передаче традиции сохраняли глубины, недоступные формальной рациональности. Социальные структуры, несмотря на значимость идеи иерархии состояли из многообразных локальных миров. Роль непредсказуемых рисков создавала благоприятную среду, в которой случайность, разнообразие, неопределённость, своеволие и индивидуальные особенности пропитывали все социальное пространство. А это, в свою очередь, определяло многообразие конструктивных напряжённостей между локальными мирами и «большим» обществом. вариативность сценариев власти, достигавшей общественного согласия. В этом отношении традиционные общества Востока и домодерная Европа схожи. Поэтому современный поворот к Востоку означает в том числе и реанимирование собственного опыта Европы. М.Фуко считал свободу в доиндустриальных обществах результатом спонтанного развития индивидуальности и особого характера недисциплинированности².

Классическое знание оказывается малопригодным и для описания современного состояния западного мира, которое З.Бауман определил как «текущую современность», хотя текучесть и изменчивость здесь имеет совершенно иную этиологию – разрушения социальных связей.

Тогда что же такое «твердая» социальность, которую наиболее адекватно описывает классическое знание? ««Тяжелая современность» была ... эпохой формирования действительности на манер архитектуры или садоводства; действительность, послушная вердиктам разума, должна была

---

² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 357; Дж. Скотт. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2017

быть «построена» при строгом контроле качества и согласно строгим процедурным правилам и прежде всего спроектирована до того, как начнутся строительные работы. Это была эра чертежных досок и проектов — не столько для нанесения на карту социальной территории, сколько для подъема территории до уровня ясности и логики, которым могут похвастаться только карты. Это была эпоха, которая надеялась узаконить разум в действительности, изменить ставки так, чтобы вызвать рациональное поведение, сделав все неразумные действия слишком дорогостоящими, чтобы намереваться их предпринять»³.

Риторическим механизмом, обеспечивающим устойчивость нового, пришедшего на смену средневековой общественной устройству, были идеи камерализма – создания и продвижения самого представления о государстве как едином, рационально устроенном организме, обслуживаемым лояльными и квалифицированными чиновниками⁴. Последовательным воплощением камералистского проекта были, например, реформы Петра I. Однако отличием петровской административной системы было отсутствием самой «системы» в смысле рутинных механизмов управления: «вплоть до последних лет своей жизни он опирался на служащих двух гвардейских полков – Преображенского и Семеновского – в качестве проводников его воли в обход старых или новых административных органов»⁵. Гвардия позволяла осуществлять «ручное управление» страной, и никакая Табель о рангах не могла упорядочить систему государственной службы пока рядовой гвардейского полка мог отдавать распоряжение главе провинции⁶.

Классическое знание, которое наиболее адекватно для описания современного общества на определённом этапе его развития оказывается не

---

³ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. С. 56

⁴ Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII - XX вв. Под ред. И. Герасимова. - Казань: "Ab Imperio", 2017. С.18

⁵ Там же. С. 49

⁶ Там же. С. 50

способным создавать картину общественной жизни в переходный период – противоречия в нем были органичны, а конфликты между идеями и реалиями неизбежны. Данный тип знания заводит исследователя в тупик, когда он сталкивается с необходимостью описания объекта, в котором неоднородность была нормой. Если же обратиться к традиционному обществу Средневековья, то оно было, как уже отмечалось, воплощением беспокойства границ и многообразия форм перехода как способа бытия социальной системы, проявившихся во всех измерениях жизни: «нетвердых» границ государств, множественных переходных форм зависимостей, выстраивающих социальную иерархию, переходов из сакральной сферы в профанную, что делало религию, политику и юриспруденцию практически неотделимыми друг от друга.

Кристаллизация «жидкого элемента» в социальной ткани возможна была только на той стадии общественного развития, когда идея упорядоченности становится самоценностью и когда возникает многочисленный современный бюрократический аппарат, последовательно выпалывающий местное своеволие. Вот только сделать это было можно с достаточной степенью эффективности на сравнительно небольшой территории.

Текучесть и подвижность в досовременном мире могла быть столь масштабным и мощным явлением, что оказывалась способной прорасти и в современность – я имею в виду феномен номадизма⁷. Номадизм требует особого языка описания, связанного с анализом структур большой длительности. Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизывающий Восток и Запад и ставшей предпосылкой динамизации социальной жизни

---

⁷ Шемякина О.Д. «Конец шелкового пути? Феномен номадизма в мировой экономике древности и современности» <https://nosh.msu.ru/culture/tpost/gultby3hi1-kruglii-stol-posvyaschennii-strukturam-b>

континента⁸. Номадизм может быть рассмотрен во множестве социальных проекций. Вызовы воинственных кочевников политиям древности и средних веков требовали ответов - мобилизации огромных армий и военных походов, а также развития многообразной этнодипломатии и установления обширной торговой сети, ставшей логистической основой континентальной экономики, а также транзитом идей и технологий.

Номадизм как социальное явление появился в результате перемещения людей и товаров, а оно было невозможно без включения в оседлые общества общин этнически чуждых им номадов, занятых широким спектром «кочевых» занятий. Главными объектами деятельности и ресурсами номадов были люди, которым они предлагали посреднические услуги, а не природа. Движение было связано не только с деятельностью особой категорией людей, которые специализировались на посредничестве.

Евразийский коридор был зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены⁹. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов¹⁰.

---

⁸ Д. Даймонд. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. М.: АСТ: АСТ Москва: CORPUS, 2010

⁹ Абашин С.А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейа, 2007. С. 235-236

¹⁰ От берегов Босфора до берегов Евфрата / Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н.э. Перев., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева. – М.: МИРОС, 1994. С. 3-50; Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / Пер. с франц.; под общ. редакцией Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е. Е. Дмитриевой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 712-734

В современном нам мире константы, определившиеся в процессе освоения трансконтинентальных торговых путей, продолжают действовать и сегодня. Древние сухопутные маршруты имеют отношение к транспортной логистике программы «Один пояс и один путь». Реализация этой программы будет означать возможность создания новой альтернативной глобализации. Различия и различения как необходимые элементы процесса идентификации в историческом ядре шелкового пути постоянно меняют свои очертания. Они прозрачны, поскольку люди их преодолевают, превращаясь из «своего» в «чужого» и наоборот¹¹. Торговля шелком потеряла свою актуальность, но номады, воспитанные в традициях посредничества, остались и преодолели континентальные границы. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах¹².

И это дает нам основание для утверждения того, что в широтном коридоре Евразии действовали структуры большой длительности, связанные с номадизмом как с движением товаров, людей, идей и технологий в физическом пространстве, а также с движением в сфере сознания, текучей идентичностью, изменчивой и ситуативной.

И, наконец, о «текучей современности», о которой писал З. Бауман. Одна из глав его книги с аналогичным названием посвящена «кочевникам» современной цивилизации Запада. Превосходство захватчиков во времена «тяжелой» современности состояло прежде всего в их способности осваивать, полностью использовать и заселять территорию. «Игра доминирования в эру текучей современности ведется не между «большим» и «меньшим», а между более быстрым и более медленным. Правят те, чья

---

¹¹ Абашин С.А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейа, 2007. С. 236

¹² Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019 С. 50-54

скорость выше, чем скорость противника. Когда скорость означает доминирование, «освоение, использование и заселение территории» становится препятствием — помехой, а не преимуществом. Принятие под свою юрисдикцию и, более того, аннексия чьей-либо земли подразумевают капиталоемкие, тяжелые и невыгодные заботы об управлении и обеспечении общественного порядка, ответственность, обязательства — и прежде всего налагает значительные ограничения на свободу передвижения в будущем... Растущее число влиятельных голосов мировой элиты предпочитает оставить «государствам-нациям, превратившимся в полицейские околотки», задачи по разрешению кровопролитных соседских конфликтов; как нам сообщают, разрешение таких конфликтов должно быть также «разгружено» и «децентрализовано», перераспределено вниз в глобальной иерархии с учетом или без учета прав человека и передано туда, «где оно и должно быть», — местным военачальникам и оружию, которое они имеют благодаря великодушию или «вполне понятным экономическим интересам» мировых компаний и намерению правительств способствовать глобализации. Например, Эдвард Лутвак, старший научный сотрудник в американском Центре стратегических и международных исследований, много лет являющийся надежным барометром изменений настроения Пентагона, призывал в журнале *Foreign Affairs* за июль-август 1999 г. (названном газетой *Guardian* «наиболее влиятельным периодическим изданием») «дать войне шанс»¹³.

Я позволила себе столь обширную цитату из работы столь известного британского социолога не только для того, чтобы обозначить особый тип агрессии экстерриториальных элит в установлении нового миропорядка. В современной ситуации разные типы социальных систем, сформировавшиеся в разные эпохи, заговорили разом, поэтому важно

---

¹³ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб.: Питер, 2008. С. 201-202

предельно расширять интеллектуально пространство взаимодействия различных социальных учений, которые бы соответствовали реальной сложности «мира людей» и предохраняли бы сознание студентов, работающих с учебными текстами от жестких, линейно ориентированных схем.